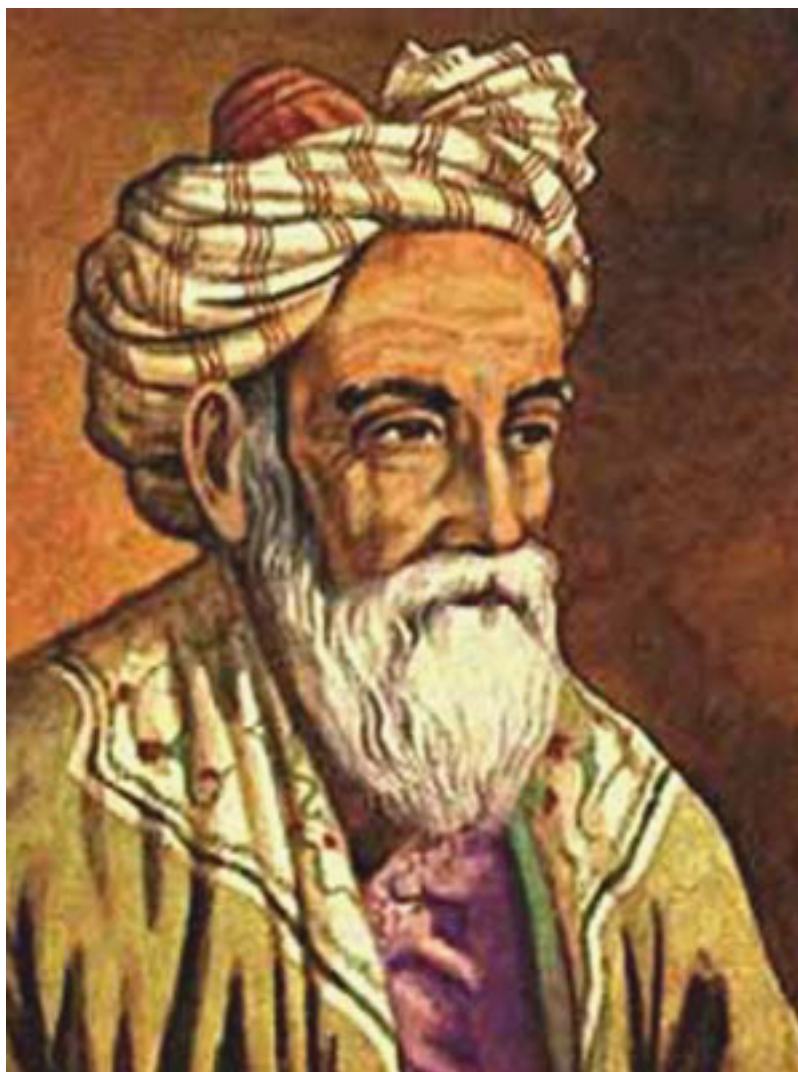


Дмитрий Бурба
МОЙ ХАЙЯМ



Эссе было опубликовано в качестве предисловия к книге Парамахамсы Йогананды «Вино мистики. Духовный взгляд на “Рубайят” Омара Хайяма» (М.: ИД «София», 2003).

Уважаемый читатель, я, как и ты, давно влюблен в поэзию Омара Хайяма. Как и тебя, меня с детства сопровождают его строки:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало. Пер. О. Румера

Когда-то у меня даже вышел сборник стихов, стилизованных «под Хайяма». Но я всегда чувствовал внутренний протест, если на пирушке с обильными возлияниями тамада брал себе в помощники великого поэта. Еще больше, чем упоминание его имени всуе, меня возмущал укоренившийся взгляд на Омара Хайяма как на беспросветного пьяницу, сумевшего написать несколько строф в промежутках между похмельной дрожью рук и неменяемостью очередного опьянения. Будь Хайям действительно таким, разве смог бы он стать учеником шейха аль-Раиса Абу Али Хусейна Ибн Сины (Авицены) и почти сравниться с ним в научной известности? Когда ухитрился «бесшабашный гуляка» построить величайшую в мире обсерваторию, разработать новый календарь (который точнее современного на 7 секунд), в совершенстве изучить Коран и арабский язык (и перевести с него на фарси сочинения Авицены), стать искусным врачом и астрологом, написать массу трактатов по философии, медицине, теории музыки, физике, геометрии*, алгебре (в частности, на 600 лет раньше своего английского коллеги применить «бином Ньютона»**)? Стоит помнить об этом, когда читаешь, что «смысла нет в изученье наук»***.

Однако из песни слова тоже не выкинешь; как быть с *вином*, упоминаемом чуть ли не в каждом *рубай* (четверостишии) Хайяма? В послесловии к вышедшему в Петербурге (в 1993 г.) сборнику стихов Омара Хайяма под редакцией А. Ш. Шахвердова читаем: «Чаще всего образ вина в хайямовских четверостишиях следует понимать расширительно, как олицетворение всех доступных житейских утех». Предложенное «расширенное» понимание выглядит очень узким (а нередко и вовсе неверным) — особенно если вспомнить, как к образу запретного у мусульман хмельного напитка обращались исламские поэты задолго до Хайяма.

* Хайям был, очевидно, первым, кто разработал вариант неевклидовой геометрии.

** Таким образом, название знаменитой формулы

$$(x+y)^n = x^n + \frac{n}{1}x^{n-1}y + \dots + \frac{n(n-1) \dots (n-k+1)}{1 \cdot 2 \cdot \dots \cdot k}x^{n-k}y^k + \dots + \frac{n}{1}xy^{n-1} + y^n$$

неверно вдвойне: это не только не бином («двучлен»), но и не «Ньютона».

*** Так как истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг,
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!

Пер. Г. Плисецкого

Лишь один пример — отрывок из поэмы Абу Нуваса (756-813):

Отдаешь ты Белокурую с нежным именем *Вино*,
 Много золота червонного ей в приданное дано.
 Соблюдай ее, чтоб недруги не смеялись за глаза,
 А не то откажет в ягодах виноградная лоза.
 Не жалея меру золота я отсыпал за вино,
 Несверленных меру яхонтов отвалил я заодно.
 А вино в кувшине плачется: «Пожалей, кувшин, меня!
 Я, кувшин, дрожу от ужаса, увидав язык огня».
 Я сказал: «Бояться нечего, коль останешься со мной».
 «Даже солнца?» — «Разумеется! Спал уже полдневный зной».
 Та спросила: «Кем я сватана?» Я ответил: «Сам я сват».
 «Кто жених?» — «Он именуется то *Ручей*, то *Водопад*.
 Та спросила: «Кто оженит нас?» Я сказал: «Оженит лед!»
 А она: «Но Белокурая в дом из бревен не пойдет!»
 Я: «Твой дом — изделие звонкое фараоновых времен!»
 А она: «Любовь горячая забрала меня в полон.
 Только пьянице безвкусуному ты меня не подноси,
 Драгоценность благовонную пить сквалыгу не проси.
 Не давай огнепоклонникам — мне огонь не вмоготу.
 Ни потомкам израиловым, ни молящимся кресту.
 Не давай юнцу, приличиям не ученому пока,
 Или день и ночь нетрезвому посидельцу кабака.
 Наливай меня способному чтить достоинства мои,
 Кличь покраше Виночерпия и арабов напои!»
*Пить тебя, вино запретное, допустимо лишь тому,
 Кто оставил в винном погребе опустевшую суму.*

Пер. С. Шервинского

Не увидеть в этих строках (многие из которых почти дословно повторяются в четверостишиях Хайяма) скрытого символизма может разве что слепой. О символике такого мистического направления в исламе, как *суфизм* (течения, близкого к экстатическому индийскому культу *бхакти* — всепоглощающей любви и преданности Божеству), а также о сходстве воззрений Хайяма с суфийскими написано немало (см. предисловие и введение). Характер опьяненного Богом дервиша-суфия гениально передал Николай Гумилев:

Соловьи на кипарисах и над озером луна.
 Камень черный, камень белый, много выпил я вина.
 Мне сейчас бутылка пела громче сердца моего:
 «Мир лишь луч от лика Друга, все иное — тень Его!»
 Виночерпия влюбил я не сегодня, не вчера.
 Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра.
 И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество:

«Мир лишь луч от лика Друга, все иное — тень Его!»
 Я бродяга и трущобник, непутевый человек.
 Все, чему я научился, все забыл теперь навек
 Ради розовой усмешки и напева одного:
 «Мир лишь луч от лика Друга, все иное — тень Его!»
 Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья.
 О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?
 И кричит из ямы череп тайну гроба своего:
 «Мир лишь луч от лика Друга, все иное — тень Его!»
 Под луною всколыхнулись в дымном озере струи.
 На высоких кипарисах замолчали соловьи.
 Лишь один запел так громко, тот, не певший ничего:
 «Мир лишь луч от лика Друга, все иное — тень Его!»

Это стихотворение, как и рубаи Хайяма, насыщено классическими символами: *Друг, Виночерпий, вино, бутылка, камень черный, камень белый...* Игорь Голубев, автор современного полного перевода «Рубайята», пишет, что «Хайям подменил в стихах философские формулы художественными образами; он же превратил их в криптограмму, применив условный язык, слова-символы, потребовавшие разгадки». К этому его подтолкнула отнюдь не одна лишь любовь к составлению ребусов.

Секрет от подлецов приходится скрывать,
 От болтунов-глупцов приходится скрывать.
 Смотри, для всех людей ты что-то делать начал?
 От всех людей лицо приходится скрывать.

Пер. И. Голубева

Одна моя знакомая, попавшая за «религиозную пропаганду» в годы советской власти за решетку, рассказывала, как на зоне ее притесняли в качестве «самой опасной преступницы». Однажды она не выдержала: «Неужели я страшнее Имярек, которая убивала людей, перемалывала их трупы через мясорубку, а потом спускала в унитаз?» Ответ был просто потрясающим по своей правдивости: «Да, потому что у нее наше [материалистическое] мировоззрение».

Вопрошающий, вот тебе краткий урок:
 Не имеет какой-то обители Бог!
 Ты не можешь постичь? Загляни себе в душу —
 Где в твоём существе для нее уголок?*

Пер. Н. Тенигиной

В тоталитарном обществе свободомыслие — самое тяжкое преступление. После смерти покровителей Хайяма (визиря Низам аль-Мулька во сне за-

* В индийской мифологии есть сюжет о том, как Вишну однажды решил спрятаться от могущественного демона. Злобное существо обыскало всю Вселенную, но так и не нашло Вишну, поскольку тот спрятался в сердце этого демона. Безбожники в свое сердце не заглядывают...

резали воинствующие исмаилиты; они же, вероятно, отравили правителя Ирана — Мелик-шаха), когда всю страну захлестнула война террора и насилия, ему, чтобы доказать религиозным фундаменталистам свою правоту, даже пришлось совершить хадж (паломничество в Мекку). От всего этого у поэта вырвалось:

И минареты пусть, и медресе — падут,
Иначе каландар вотще вершит свой труд!..
Здесь веру ересью, здесь ересь верой чтут,
А божий человек — не мусульманин тут.

Пер. И. Голубева

Носители любого «единственно верного» учения могут простить какое угодно прегрешение, лишь бы человек оставался послушным слугой «нашей» идеологии. Вот и вынужден был Хайям говорить эзоповым языком: уж лучше прослыть пьяницей и развратником, чем быть казненным за «проповедь древней философии» как Сухраварди (XII в.), или четвертованным, как в десятом веке мученик Хусейн ибн-Мансур аль-Халладж (которому в вину вменяли повторение фразы, являющейся сущностью Упанишад: «Я есмь Брахман»).

Во мне вы видите чудовище разврата?
Пустое! Вы ль, ханжи, живете так уж свято?
Я, правда, пьяница, блудник и мужелюб,
Но в остальном — слуга послушный шариата*.

Пер. О. Румера

Омар Хайям на много веков опередил свое время. Ни одно из его научных открытий не было по достоинству оценено современниками. Как все выдающиеся люди, которые чувствуют свою чужеродность серому окружению, Хайям был одинок.

О тайнах Бытия, что стали ясны мне,
Тайком пишу в тетрадь: болтать опасно мне.
Во всей Вселенной нет такого человека,
Кто понял бы меня... Вот что ужасно мне.

Пер. И. Голубева

К поэзии Хайяма в полной мере применимо его же четверостишие:

Все, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.

Пер. Г. Плисецкого

* *Медресе* — в мусульманских странах — средняя и высшая школа, готовящая служителей культа, учителей и государственных служащих.

Каландар — странствующий аскет, дервиш.

** *Шариат* — основанная на Коране совокупность правовых и религиозных норм ислама.

И все же, если внимательно приглядеться к стихам Хайяма, то прямо в них можно частично найти разгадку его тайнописи. Например, вот расшифровка символов из рубаи LXXV («камень» и «бокал»):

Я знаю, небосвод, мой добрый опекун:
Смерть — камень, жизнь — стекло, а ты — палач и лгун.
 До мерки «семьдесят» наполнится мой кубок,
 Ты выхватишь его и ахнешь об валун.

Пер. И. Голубева

Много лет назад я подчеркнул в переведенном Германом Плисецким «Рубайяте» несколько слов одного из четверостиший, а рядом нарисовал «ключ к интерпретации» главных символов Хайяма:

Алый лал наливай в пиалу из ковша,
Пиала — это тело, а влага — душа.



Христианский аскет IV-го века Макарий Египетский говорил: «Как тело без души мертво и не может ничего делать, так без небесной души, без Духа Божия, душа мертва для Царства, и без Духа не может делать того, что Божие». Символы у Хайяма не статичны: по отношению к телу душа — «вино», но она сама становится «кубком» для Бога:

Вино — мой Бог и вера, о Кравчий благосклонный,
 Моя душа, о Кравчий, сей кубок благовонный.
 Вино ты отвергаешь как беззаконье, ересь,
 А я вина и кубка всегда блюду законы.

Пер. С. Липкина

Свойства этого «вина» (оно же «сок лоз», «живая вода», «вино познания») кардинально отличаются от обычного хмельного напитка. Духовное вино не притупляет чувства, а пробуждает духовное восприятие:

Зачем я пью вино? Шататься под луной?
 Прохожего пугать бравадою хмельной?..
 Я из бесчувствия вытягиваю душу,
 Затем и пью всегда, причины нет иной.

Пер. И. Голубева

И тем не менее духовное «трезвление» (так этот процесс называется в православной мистике) в конце-концов приводит к опьянению Богом:

Чем ближе к смерти я, тем каждый день живею*;
 Чем царственнее дух, тем плоть моя скудней...
 Все удивительней вино существованья:
 Чем отрезвленной я, тем становлюсь хмельней.

Пер. И. Голубева

* Возможно, именно эти слова вдохновили К. Бальмонта на похожие строки:

С утра уныние и ложь
 И копошащиеся черти...
 День только к вечеру хорош.
 Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.

«Дом питейный» («кабак, майхана, трущобы») Хайяма тоже весьма необычен; его описание заставляет подумать о монашеской келье:

В дом питейный ты зря, наугад, не ходи,
Коль с монахами терпишь разлад — не ходи.
Этот путь — путь людей одиноких и гордых, —
В уголок этот ты для услад не ходи!

Пер. Н. Тенигиной

Как видим, воспринимать «вино» Хайяма всегда буквально (как спирто-содержащую жидкость) — все равно что дословно перевести известные слова Христа *spiritus quidem promptus est, caro autem infirma** как «спирт хорош, а мясо протухло». Хайям противопоставляет свое «вино» дурманящим субстанциям:

Говорят: есть гашиш — так тоска не страшна,
С ним ни арфа, ни чаша вина не нужна.
По учению знающих точно известно:
Лучше сотни наркотиков — капля вина!

Пер. Н. Тенигиной

«Виночерпий» («Кравчий, Саки») у Хайяма тоже явно не простой вино-торговец:

О Кравчий, Ты всех луноликих краше,
Твой лик сравню с Джамшидовой чашей.
Когда идешь, у ног Твоих лучится пыль,
Как сонм светил над головою нашей.

Пер. Д. Седых

Саки! Спаси, горю!** Прости мою смятенность:
От лекаря-саки куда с похмелья денусь?
«Вручать надежде жизнь» я понимаю так:
Внимать Твоим шагам. Пока живу, надеюсь!

Пер. И. Голубева

Кравчий, знанья вино — благородный бальзам,
Лишь невежды обходят познания храм.
Без познания — ничто человек во Вселенной!
Это — цель! Ее свет пусть сопутствует нам!

Пер. Н. Тенигиной

«Вино знанья» просветляет душу и дарует ей вселенское видение:

Дайте чашу! Сей мир в вечном мраке живет,
И живая вода от Тебя лишь идет.
Мир и то, что есть в мире — хвала Мухаммаду —
Это Ты, кто творит и творимых ведет.

Пер. Н. Тенигиной

* «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26.41).

** В молитвах известного индийского вероучителя Вишванатхи Чакраварти (XVII в.) сказано: «Как облако проливает дождь на лесной пожар, гася его пламя, так и духовный учитель спасает мир, гася всепожирающий огонь мирского бытия».

Здесь мы подходим ко второму (по частоте употребления) после «вина» и тесно с ним связанному слову-символу: «Друг». Посвященные Ему стихи (в которых данный термин обычно переводят как «подруга») образуют целый пласт так называемой «любовной лирики» Хайяма.

Друг, Твое вино питает существо мое живое,
Лик Твой нежный мне сияет, словно солнце заревое.
Встань и дай мне на мгновенье замереть у ног Твоих,
Смерть у ног Твоих мне лучше сотни жизней старца Ноя.

Пер. В. Державина

Подобные стихи вполне созвучны поэзии индийских бхактов, воспевающих Высшего Возлюбленного. В качестве примера приведем знаменитые строки Кришна-даса, бывшего в XVI в. настоятелем расположенного у холма Говардхан храма Шри Натхаджи:

Я к Стопам припал прекрасным, слезы вырвались наружу,
Разум мой пленен навечно красотой Гиридхара;
Кришна-дас служенью Кришне отдает всю свою душу,
Ну а тело, если хочет, пусть возьмет себе сансара*.

Примечательно, что первая исполнительница этого песнопения, лишь только закончила его, тут же «отдала Богу душу» (и в бытовом смысле этого выражения); Йогананда сказал бы, что она «вошла в финальное самадхи, слившись с вездесущим Духом»:

Вдруг Любовь, словно кровь, пронизала меня,
Мысль о Друге моем пропитала меня.
Друг мой всем овладел, брэнной плотью и сутью —
Живо имя мое, но не стало меня.

Пер. Н. Тенигиной

В Бхагавадгите (11:19), священной книге индусов, Арджуна, созерцая величие Бога, восклицает: «Вижу Тебя без начала, середины и конца, беспредельно могучего, с луной и солнцем в качестве глаз...» Хайям тоже пишет:

Как душа для всех нас — в Твоем лике луна,
Мне — любовь, а другим — как наперсник она,
В Тебе солнце само — не его отраженье,
Эта радость нам всем безраздельно дана!

Пер. Н. Тенигиной

На «Друга» Хайяма устремлены мысли и взоры не только мусульман и индусов, но и последователей всех остальных религий:

К христианам, к евреям я в храмы ходил —
Обращен на Тебя взор молящихся был,

* *Гиридхар* («Держащий холм») — одно из имен Кришны.

Сансара — брэнный материальный мир, где душа вынуждена вращаться в круговороте рождений-смертей.

Я к язычникам шел, помня встречу с Тобою,
Твой кудрей завиток им для четок служил!

Пер. Н. Тенигиной

Обвинять Хайяма в пропаганде разврата не менее нелепо, чем в призыве к пьянству — божественная Любовь не имеет ничего общего с похотью, они взаимоисключают друг друга:

Страсть не может с глубокой Любовью дружить,
Если сможет, то вместе не долго им быть.
Вздумай курица с соколом рядом подняться,
Даже выше забора — увы — ей не взмыть.

Пер. Н. Тенигиной

Когда к жизни Любовь меня в мир призвала,
Мне уроки Любви она сразу дала,
Ключ волшебный сковала из сердца частичек
И к сокровищам Духа меня привела.

Пер. Н. Тенигиной

Если неизменной похоти станешь рабом —
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

Пер. Г. Плисецкого

К сожалению, людям свойственно гораздо чаще оглядываться на *других*, ища в окружающих поддержки своим заблуждениям. Точно так же, как в девятнадцатом веке на Западе (а у нас в двадцатом — как всегда, с опозданием) Хайяму приписывали «передовое» материалистическое мировоззрение, так сегодня его причисляют к своим и ортодоксальные мусульмане (например, иранский исследователь Фуруги), и суфии. Идрис-шах в книге «Путь суфиев» называет Омара Хайяма «практическим наставником суфизма» и не упускает возможности выказать свое неудовольствие первому из западных переводчиков «Рубайята» Эдварду Фицджеральду, который «подобно многим востоковедам-схоластам вообразил, что, поскольку Хайям время от времени выдвигает существенно расходящиеся точки зрения, то он должен страдать психической неуравновешенностью. Такое отношение, хотя и характерное для множества представителей академической науки, столь же обосновано, как мнение человека, считающего, что если кто-то показывает вам нечто, то он непременно должен этому верить; а если он показывает вам несколько вещей, то подлежит отождествлению со всеми ими. Но Фицджеральд повинен гораздо в большем, чем в слабых мыслительных способностях. То, что он придал своим переводам Хайяма характер антисуфийской пропаганды, не может быть оправдано даже его наиболее рьяными защитниками. Как следствие этого, они норовят обходить молчанием такую поразительную непорядочность».

Действительно, у Хайяма есть (или ему приписываются) явно суфийские стихи, например:

Нищим дервишем ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот.
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот. Пер. Г. Плисецкого

Однако как быть с не менее красноречивыми антисуфийскими четверостишиями?

Зовешься суфием, а в седце мрак? — увы.
В призывах ханжеских большой мастак? — увы.
Лохмотья раздобыл — отшельникам на зависть!
Посмотрит завтра Бог и скажет так: «Увы!» Пер. И. Голубева

Саки! Так хочется свободы сердцу! Но,
Как морю, из себя излиться не дано,
Не то что суфию: он так наполнен мутью,
Что льются чушь — из уст и мимо рта — вино. Пер. И. Голубева

«Психическая неуравновешенность»? Думается, что дело в другом. Стихи Хайяма — не строгий логически последовательный философский трактат. Многие рубаи были произнесены им экспромтом, под влиянием каких-то конкретных обстоятельств. А в душе человека (особенно с богатым внутренним миром) все вовсе не так уж гладко и непротиворечиво:

О чадо четырех стихий, внемли ты вести
Из мира тайного, не знающего лести!
Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты;
Все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе. Пер. О. Румера

Жизнь многогранна и не поддается линейному описанию. Каждое утверждение несет в себе отрицание, во всяком отрицании содержится скрытое утверждение. Германн Гессе в своем «Кратком жизнеописании» рассказывает: «Будь так или иначе мыслимо, чтобы человек чисто лично избирал себе религию, я по сокровеннейшей душевной потребности присоединился бы к одной из консервативных религий — к Конфуцию, или к брахманизму, или к римской церкви. Однако сделал бы я это из потребности в противоположном полюсе, отнюдь не из прирожденного сродства, ибо я не только случайно родился как сын благочестивых протестантов, но и есмь протестант по душевному складу и сути (чему нимало не противоречит моя глубокая антипатия к наличным на сегодняшний день протестантским вероисповеданиям). Ибо истинный протестант обороняется и против собственной церкви, как против всех других, ибо его суть принуждает его стоять больше за становление, нежели за бытие. И в этом смысле, пожалуй, Будда тоже был протестантом».

В этом смысле и Омар Хайям тоже был «протестантом», самостоятельным мыслителем и человеком с настолько широким кругозором, что это обезопасило его от порабощенности узкими рамками какого-либо учения — даже такого, как суфизм, который сам первоначально возник как протест против ограниченности официального ислама. (Увы, похоже, что определенная степень косности является неперенным атрибутом любой организованной религии...)

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе*.

Пер. О. Румера

Как надоели мне несносные ханжи!
Вина подай, Саки, и, кстати, заложу
Тюрбан мой в кабаке и мой молельный коврик:
Не только на словах я враг всей этой лжи.

Пер. О. Румера

Хайяму совершенно не свойственна духовная гордыня, столь заметная в поведении и высказываниях некоторых «духовных подвижников»:

Хоть власяницу ты почтенную припас,
Дерюгой нищенской едва ль обманешь нас.
Спесивости не скрыть, в обноски обрядясь;
Похоже, для тебя привычнее — атлас.

Пер. И. Голубева

Лично мне больше всего импонирует в Хайяме такое бесценное (и не так уж часто встречающееся) качество, как самоирония, умение не смотреть на себя со «звериной серьезностью»:

В науке странствуя, порой менял я взгляд,
В утрате цельного пути я виноват.
Такой диковинке любой зевака рад:
У однорукого в сто рукавов халат.

Пер. И. Голубева

У меня неоднократно возникало желание написать комментарий к стихам Хайяма. Но вначале (в советское время) такую книгу нельзя было бы издать по идеологическим причинам, потом — по финансовым... Последний мой всплеск интереса к этой почти забытой идее имел место около года назад, когда я, редактируя перевод книги Свами Криянанда (Дональда Уолтерса — ученика Йогананды), узнал из нее, что Парамахамса Йогананда тоже был неравнодушен к Хайяму и занимался толкованием его «Рубайята». Однако теперь у меня уже существенно уменьшилось желание поучать других — наверное, приблизился к тому душевному состоянию, пребывая в котором Хайям написал:

* *Кааба* — храм в Мекке, главная святыня мусульман, место паломничества.

Михраб — дугообразная сводчатая ниша во внутренней стене мечети, указывающая направление на Каабу.

Мне мудрость не была чужда земная,
 Разгадки тайн ища, не ведал сна я.
 За семьдесят перевалило мне,
 Что ж я узнал! — Что ничего не знаю.

Пер. Ц. Бану

Поэтому, когда мне неожиданно предложили перевести книгу, которую вы держите в руках, я сразу же согласился, хотя и понимал, что встречу в работе с немалыми трудностями. Дело в том, что Йогананда комментировал поэму Эдварда Фицджеральда «Рубайят Омара Хайяма» (см. введение и предисловие), которая является не столько переводом, сколько пересказом содержания сравнительно небольшого древнего *рубайята* (сборника четверостиший) — так называемой *Бодлеанской рукописи*. Поэтому сразу возник вопрос: кого переводить — Хайяма или Фицджеральда? С одной стороны, всем известна азбучная истина: «Избегай двойных (с промежуточного языка) переводов!» Но ведь Йогананда комментировал именно Фицджеральда, чья поэма, кстати, давным-давно уже переведена Осипом Румером*... Однако Румер переводил не первое издание поэмы, а существенно переработанную последующую редакцию, тогда как интерпретация Йогананды порой основана именно на том слове первоначального варианта, которое появилось у английского переводчика случайно, ради рифмы; на фразе, которая отсутствует у Хайяма, и которой нет ни в одном из русских переводов. К тому же, несмотря на все уважение к таланту Фицджеральда, истина Хайяма дороже произвольных толкований английского джентельмена**...

*Многие первые русские переводы Хайяма на проверку оказываются переводами с Фицджеральда (к примеру — шестая часть четверостиший, переведенных Иваном Тхоржевским). Знакомить русского читателя с Хайямом одним из первых начал Лев Толстой. Вот один из фрагментов его сборника «Круг чтения» (за 3 сентября): «Никто еще не проник в тайну великого начала. Никто не ступил шага вне самого себя. О Ты, в поисках Кого находится весь мир в смятении! Святой так же, как и порочный, нищий, так же, как и богатый, все одинаково далеки от возможности достигнуть Тебя: имя Твое звучит вместе с существованием всех, но все глухи; Ты перед всеми глазами, но все слепы. (Персидский Хейям XI столетия)». Ср.:

Весь мир Тебя ищет. Томятся все души.
 Дервиш и богатый бессильны средь ночи.
 У всех на устах Ты, но глухи все уши.
 Пред всеми Твой образ, но слепы все очи.

Пер. В. Рафальского.

** Тем не менее, необходимо отдать Эварду Фицджеральду должное: стихи из его поэмы «Рубайят Омара Хайяма» вошли в число наиболее часто цитируемых произведений английской литературы. О небывалой популярности этого произведения косвенно свидетельствует рассказ О. Генри «Справочник Гименея», в котором два золотоискателя в занесенной снегом хижине находят на полке книжку: «Это стихотворная книга,

В результате был избран (вслед за Буддой) «средний путь»: я постарался отобрать из существующих русских переводов (выполненных с оригинала или с подстрочников) те, которые максимально близки к английскому тексту и к комментариям Йогананды. В тех случаях, когда Фицджеральд соединял в одном четверостишии строки разных рубаи (или разбивал строфу на две), за основу брался один из стихов. И только те фрагменты, которые искажены до неузнаваемости или не имеют прямого отношения к Хайяму, были переведены непосредственно с английского. В результате ваш покорный слуга оказался в сборной команде переводчиков следующего состава: К. Бальмонт, Ц. Бану, Б. Голубев, И. Голубев В. Державин, В. Зайцев, В. Микрюков, Л. Некора, Г. Плисецкий, , А. Рапопорт, О. Румер, Г. Семенов, А. Старостин, Н. Тенигина, И. Тхоржевский.

Одним из недостатков английского издания «Вина мистики» является то, что хотя книга дает довольно ясное представление о воззрениях автора комментариев, она недостаточно четко выражает взгляды самого Хайяма. Впрочем, это не делает ее неинтересной, а отношение к священным писаниям (к разряду которых мы склонны отнести и «Рубайят») Парамахамсы Йогананды, руководствующегося своим «интуитивным пониманием», даже сходно с позицией самого Хайяма, который ничтоже сумняшеся мог использовать Коран для шутливого обоснования «винопития»:

Способное и дух над брэнностью вознестъ,
И разуму подать спасительную вестъ,
И сердце укрепить, — вино я воспеваю
По слову Господа: «В нем польза людям есть»*. Пер. И. Голубева

Всего Хайяму приписывается около двух тысяч стихов. На мой взгляд, попытки выделить из них какое-то количество** «подлинных» так же бесперспективны, как старание вычлениить из других древних текстов (Бхагавадгиты, афоризмов древнеиндийского моралиста Чанакьи, «Тирукурала» и пр.) «первоначальное ядро», обросшее за столетия дополнительным материа-

автор — Омар Ха-Эм. Сначала я не мог понять, в чем тут соль, но покопался и вижу, что жила есть. Я не променял бы эту книгу на пару красных одеял... Мне приятней система намеков старикашки Ха-Эм. Он, похоже, что-то вроде агента по продаже вин. Его дежурный тост: «Все трын-трава». По-видимому, он страдает избытком желчи, но в таких дозах разбавляет ее спиртом, что самая беспардонная его брань звучит как приглашение раздавить бутылочку. Да, это поэзия».

* Полная цитата: «Спрашивают тебя о *вине* и об игре в жребьи. Скажи: «От обоих их *людям* есть великий вред, хотя *есть и польза*; но вред от них больше пользы»» (Коран, Сура 2.216, Пер. Г. Саблукова).

** Во введении говорится о 250-ти; некоторые хайямоведы доходят даже до шести (причем у разных ученых «подлинными» оказываются совершенно разные четверостишия).

лом. Даже если Хайям-поэт является существом синтетическим, родственным Козьме Пруткову (общим псевдонимом для целой плеяды авторов), он все равно и сейчас живет если не всех, то многих из живых. Увеличить репрезентативность подборки стихов Хайяма (Фицджеральд использовал менее пяти процентов доступного ныне материала) призваны рубаи, приведенные в сносках, а также нижеследующий

Краткий очерк философии Хайяма-поэта*

Классический (для восточных религий) отправной пункт: земная жизнь — юдоль скорби.

Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений.
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем, еще блаженней,

Пер. О. Румера

Поток времен свиреп, везде угроза,
Я уязвлен и жду все новых ран.
В саду существ я сжавшаяся роза,
Облито сердце кровью, как тюльпан.

Пер. К. Бальмонта

Конечно, так чувствует лишь то сердце, которое расширилось настолько, что ему пришлось сбросить с себя толстый слой змеиной кожи безразличия. Большинство же людей (которых еще не настигли болезни и старость) считают: «Да, есть проблемы, но ведь их можно решить. Главное — денег бы побольше!»

Говорят, человек ремесло должен знать,
С идеалом отца все деянья сверять.
В наше время, однако, иначе считают:
«Пустяки! Надо золотом лишь обладать!»

Пер. Н. Тенигиной

Да, за деньги можно приобрести много вещей, «друзей», «любовь»... Но принесет ли это удовлетворение?

О, доколе ты по свету будешь кружить,
Жить — не жить, ненасытному телу служить?
Где, когда и кому, милый мой, удавалось
До потери желаний себя ублажить?

Пер. Г. Семенова

В древнеиндийских «Законах Ману» (2:94) сказано: «Желание никогда не угасает от наслаждения желанными предметами; как огонь от возлияния масла, оно еще больше возрастает». Желания тела ненасытны, а за наслаждениями всегда следуют страдания:

*Здесь мы не будем рассматривать философские трактаты Омара Хайяма.

Из веселого места иду я вчера.

Вижу, роза охвачена жаром костра.

«О, — вскричал я, — за что же казнят тебя, роза?» —

«Как за что? Наслаждалась я жизнью с утра».

Пер. Г. Семенова

Постой! Пускай игрой страстей тебя манят.

И меч уже сверкнул, а ты, беспечный, рад!..

Не лепечи хвалу, халву судьбы вкушая:

Густой, как патока, в нее подмешан яд.

Пер. И. Голубева

Все мирские наслаждения заканчиваются.

Если будешь всю жизнь наслаждений искать:

Пить вино, слушать чанг и красавиц ласкать —

Все равно тебе с этим придется расстаться.

Жизнь похожа на сон. Но не вечно же спать!

Пер. Г. Плисецкого

Как сердцу этот мир считать своим охота,

Не век, а вечность быть царем земным охота!..

Про Смерть-охотницу бедняке невдомек,

А ведь уже, след в след, идет за ним охота.

Пер. И. Голубева

Жизнь быстротечна.

Вот книги юности последняя страница.

Ко мне восторг весны, увы, не возвратится.

Меня, задев крылом, ты промелькнула мимо,

О молодость моя, ликующая птица!

С. Липкина

И вот уже

Ушла впустую жизнь, и не вернуть назад.

И вот еда вредна, и вот дыханье — смрад.

Сперва-то каждый рад плевать на все наказы...

Потом терзаемся, из жизни сделав ад.

Пер. И. Голубева

С древа старости желтый последний слетает листок,

Посинели гранаты увядших и сморщенных щек.

Крыша, дверь и четыре подпорки стены бытия

Угрожают паденьем. Настал разрушения срок.

Пер. В. Державина

Поэтому

Здесь, в обители старой, не станет мудрец

Полагать, что в богатстве есть счастья венец —

Лишь захочет присесть он, как смерть на пороге,

Говорит, стиснув руку: «Вставай, уж конец!»

Пер. Н. Тенигиной

В нашем земном бытии прочности не больше, чем у глиняного кувшина.

«Мы из глины, — сказали мне губы кувшина, —

Но в нас билась кровь цветом ярче рубина...

Твой черед впереди. Участь смертных едина.
Все, что живо сейчас, завтра — пепел и глина»*. Пер. Б. Голубева

Мне горестно смотреть, когда гончар жесток.
Он глину мнет и бьет, и на любой пинок:
«О, смилуйся! Ведь я, как ты, была живая!..» —
Все время слышится из глины голосок. Пер. И. Голубева

Звездный купол — не кровля покоя сердец,
Не для счастья воздвиг это небо Творец.
Смерть в любое мгновение мне угрожает.
В чем же польза творенья? — Ответь, наконец! Пер. В. Державина

Если считать себя телом, то смысла в жизни никакого нет: конченный итог
всех усилий — прах.

К уstadу-старцу** в детстве мы ходили
И мудрости потом глупцов учили.
Что с нами стало? — Вышли мы из праха.
И тучей праха по ветру уплыли. Пер. В. Державина

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли —
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел невелик: три аршина земли. Пер. Г. Плисецкого

* Задолго до Хайяма образ глины и горшечника был использован в Индийском эпосе «Махабхарата» (11:3:12:17): «Как глиняные сосуды с колеса гончара выходят: который недоделанным, который совсем готовым, иной надтреснутым, иной позже, иной раньше, который сырым, который высушенным, готовым к обжигу, иной спускается для обжига, иной вынимается, Бхарата, иной же употребляется для пищи — так и тела воплощенных: находятся в утробе, рождаются, [живут] сутки, достигают полумесяца, месяца [иные], достигают и полугодия, даже двух полугодий, бывают и юными, и среднего возраста, даже старости достигают. В силу прежней деятельности существа возникают, гибнут» (Пер. Б. Смирнова).

Махабхарате вторит буддийская Сутта-нипата (577): «Ведь, как кувшины и чаши, что сделал из глины горшечник, все когда-нибудь разобьются, так прервется и жизнь смертных».

Великий индийский поэт Бхартрихари (ок. IV в.) тоже писал:

Горшечнику подобно злобный рок
Мою живую душу смял в комок,
Как глину, и швырнул рукой коварной
На колесо страданий и тревог,
Крутя его быстрее, чем круг гончарный,
И мне суля превратностей поток.

Пер. В. Потаповой

** Уstad — учитель, наставник.

Но истинная природа человека — дух, лишь временно живущий в палатке тела.

О Палаточник*! Бренное тело твое —
 Для бесплотного духа земное жилье.
 Смерть снесет полотняную эту палатку,
 Когда дух твой бессмертный покинет ее. Пер. Г. Плисецкого

Нет времени, Омар, присесть и отдохнуть:
 Существование — из бездны в бездну путь.
 Да, первая из них уж не страшна ничуть;
 Вторая — близится, и все огромней жуть. Пер. И. Голубева

Ты в мире видишь, дух, чужбину — почему?
 Ты ни дворцу не рад, ни чину — почему?
 Ты был божественным владыкой, а сегодня
 Низвергнут в скорбную пучину... Почему? Пер. И. Голубева

Разум не дает ответа на этот вопрос.

Приход наш и уход загадочны, — их цели
 Все мудрецы земли осмыслить не сумели,
 Где круга этого начало, где конец,
 Откуда мы пришли, куда уйдем отселе? Пер. О. Румера

Но отсутствие ответа *не* означает, что нет возможности найти *решение*:

Принеси заключенный в кувшине рубин —
 Он один мой советчик и друг до седин.
 Не сиди, размышляя о бренности жизни, —
 Принеси мне наполненный жизнью кувшин! Пер. И. Голубева

О, сердце! Твой урок: «Прими печаль и кровь,
 Иль все сочти игрой, войдя под звездный кров,
 Иль, зная наперед, какой здесь беспорядок,
 Внуши себе, что ты живешь вонне миров». Пер. И. Голубева

Итак, если мы не хотим принять печаль и кровь этого мира, не стоит уделять слишком много внимания его играм, а нужно приложить серьезные усилия к тому, чтобы жить вне всего этого.

Мечтаю вырваться из клетки Бытия,
 Из буйнокрасочной расцветки Бытия
 В благоуханный мир иной, где можно счистить
 С души позор и срам, как метки Бытия. Пер. И. Голубева

Разговоры об «ином мире» — вотчина религии. Однако оказывается, что большинство степенных и важных духовных лиц ничем помочь не могут, так как в лучшем случае знают лишь вероучительные книги, а не Бога:

* *Палаточник* — перевод псевдонима поэта (от слова *хайма* — «шатер, палатка»).

Думал, казий и муфтий* мне смогут помочь
 Верный путь обрести, скорби дух превозмочь,
 Но, пожив, убедился, что эти всезнайки
 Знают, друг мой, как я, так же мало точь-в-точь. Пер. А. Кушнер

Ничто так не отталкивает человека от религии, как проповедь подобных
 «духовных авторитетов»:

Какое множество везде «друзей» Твоих!..
 Мученье для меня — все поученья их.
 Чем обогреться мне? Они как туча пыли,
 Для солнца Твоего — просветов никаких! Пер. И. Голубева

Религия кнута и пряника, в роли которых выступают ад и рай, вообще не-
 достойна человека:

Пора сказать себе, что я баклуши бью:
 Запуганный вконец, меж храмами сную.
 Да кто тебе, Хайям, наврал про ад какой-то?
 Кто в ад заглядывал? Кто побывал в раю? Пер. И. Голубева

Как буйно в медресе, и в кельях, и в церквах
 Растут стремленье в рай и перед пеклом страх!
 Но тот, кто разгадал и вызнал тайну Бога,
 Не сеет сорняков в доверчивых сердцах. Пер. И. Голубева

«А вот, — вставляет кто-то, — говорят,
 Что будет смотр: и кто испорчен — в ад
 Швырнут, и — вдребезги! Не верю! Сплетни!
 Наш Добрый Друг устроит все на лад»**. Пер. И. Тхоржевского

Хайям не отрицает ту или иную историческую религию, а лишь говорит о
 непринципиальности внешних форм проявления религиозности:

К чему, войдя во храм — в шатер роскошный Твой, —
 Внутри основывать какой-то храм иной!..
 Мой дом молитвенный, укрытие Хайяма —
 Шатер, увенчанный Полярною звездой. Пер. И. Голубева

Хоть иудеем ты, хоть правоверным будь,
 Все это внешнее. Душе важнее суть.

* *Казий* — мусульманский духовный судья, выносящий решения на основании свода религиозных правил.

Муфтий — толкователь шариата; законовед, главный судья.

** «Говорят, что в последний день будет общий суд, и что добрый Бог будет гневаться. Но от благого Бога не может произойти ничего, кроме добра. Не бойся: конец будет полон радости. Какие бы ни были на свете веры, истинная вера только одна та, что Бог есть любовь. А от любви не может быть ничего, кроме добра. (С персидского)» (Л. Н. Толстой, Круг чтения, 13 января).

Коль ты прямой стрелы — лети в любую веру!
А если крив, как лук, — куда?.. В колчан заткуть? Пер. И. Голубева

Если заглянуть в человеческую душу, то там можно увидеть тот ад и рай, которые религиозная мифология проецирует на небо.

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мироздания,
Ад и рай — это две половины души. Пер. Г. Плисецкого

Впрочем, как истинный ученый, Хайям не категоричен в отрицании внешнего ада и рая — он лишь выражает обоснованные сомнения в их существовании:

Кто побывал в раю? Кто видел ад, о, сердце?
Неужто кто-нибудь пришел назад, о, сердце?
Что нам названия неизвестных вещей!..
Надежды наши, страх — все наугад, о, сердце. Пер. И. Голубева

Куда же попадает душа после смерти? На воззрениях Хайяма не могла не отразиться концепция реинкарнации (круговорота душ в природе):

Людей, украсивших мозаику минут,
Уводят небеса — и вновь сюда ведут.
Пока бессмертен Бог, полны подолы неба,
Карман земли глубок, — рождаться людям тут. Пер. И. Голубева

Вот он прямо называет красивого человека инкарнацией библейского Иосифа Прекрасного (Юсуфа):

Те, кто верит, что души, чтоб смерть побороть,
Переходят из плоти опять-таки в плоть,
Посмотрев на тебя, говорили и клялись:
«Вот Юсуф, будет жить до пришествия вплоть!» Пер. Н. Тенигиной

Йар Ахмад ибн Хосейн Рашиди Табризи в книге «Тараб-ханэ»^{*} приводит историю о том, как Хайям опознал в одном из ослов воплощение бывшего мусульманского законника и посвятил ему рубаи:

Вот и вернулся ты! Но — с согнутым хребтом,
Забыт по имени, ты вьючным стал скотом.
Холеных пять ногтей срослись в одно копыто,
Сместилась борода и сделалась хвостом. Пер. И. Голубева

Однако это стихотворение явно окрашено юмором. Взгляды Хайяма на загробную жизнь схожи с воззрениями Л. Н. Толстого, считавшего, что «о том, что будет после смерти людям знать не дано, да и не нужно»:

^{*} *Тараб-ханэ* («Дом радости») — сборник четверостиший Омара Хайяма и его жизнеописание; составлен в 1462 году.

Часть людей обольщается жизнью земной,
 Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
 Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
 Высшей истины, скрытой за этой стеной.

Пер. Г. Плисецкого

Какой бы ни была посмертная судьба человека, все материальные приобретения останутся здесь:

Ты представь, что ты в жизни высоко взлетел,
 Ты представь, что сполна получил, что хотел.
 Взял сокровища в жизни ты полною мерой,
 Ты представь: все оставить — конечный удел!

Пер. Н. Тенигиной

Надо искать те внутренние сокровища, которые «ни моль, ни ржа не истребляют и воры не подкапывают и не крадут» (Мф.6.20):

Винопоклонникам — рассветы и цветы.
 Сокровища — в сердцах, а кошельки — пусты.
 Нас от незнания не знания спасают,
 А постижение Всеобщей Красоты.

Пер. И. Голубева

Душа — одна из волн Всеобъемлющего Океана Духа, а человек создан по образу и подобию Бога:

На доске Бытия лики разных мирян
 Есть лишь образ Того, кем он каждому дан.
 В океане вздымаются новые волны,
 То — не волны, то — вздыбленный сам океан.

Пер. Н. Тенигиной

Мы чувствуем, что за нашей ограниченностью, обособленностью (которую так хочется преодолеть) стоит нечто высшее, Единое и Полное.

Бытие твое — миг жизни высшей, иной,
 Опьяненье твое — от лозы неземной,
 Погрузись с головой в воротник размышлений!
 Твоя длань — продолжение длани другой.

Пер. Н. Тенигиной

Пусть мой веселый взор с Твоим лицом сольется,
 Иссохший кубок мой с Твоим вином сольется.
 Я так хочу собрать, вобрать в себя все то,
 Что здесь разобщено, лишь в мире том сольется!..

Пер. И. Голубева

Это конечное соединение души с Богом, с Вечностью-знанием-блаженством, является кульминацией и целью жизни:

Прощалась капля с морем — вся в слезах!
 Смеялось вольно Море — все в лучах!
 «Взлетай на небо, упадай на землю, —
 Конец один: опять — в моих волнах».

Пер. И. Тхоржевского

Ни сухие умствования, ни слепая вера не могут осушить слезы, на которые нас обрекает материальный мир, не могут привести к желанной цели — слиянию с пьянящей божественной Радостью.

Те, что веруют слепо, — пути не найдут,
Тех, кто мыслит, — сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:

«О невежды! Дорога не там и не тут!»

Пер. Г. Плисецкого

Хайям отказывается от этих двух путей, выбирая третий:

Я чашу весом в ман* облюбовать хочу,
Зараз ведро вина в нее вливать хочу,
Я трижды отрекусь от Веры и от Мысли,
Я только дочь Лозы женой назвать хочу!

Пер. И. Голубева

Все дни и ночи я в хмельной поток ныряю,
От бешеных небес я — наутек — ныряю!
Корабль моей судьбы вот-вот пойдет ко дну,
Так исчезать в воде учусь я впрок: ныряю!

Пер. И. Голубева

Такая предусмотрительность весьма похвальна, ибо тот, кто умер прежде смерти, не умрет, умирая:

Из кабака Судьбы, где одуревший люд
Решил мне учинить позорный самосуд,
Сбегу наружу я — внезапно, прежде смерти!..
Неужто хватятся и догонять начнут?

Пер. И. Голубева

Йога Хайяма

Мы подошли к месту, где заканчивается теория (философия) и начинается мистика (практика). В стихах Омара Хайяма есть четкие описания того, что сегодня называется «измененными состояниями сознания»:

Я ночью сердцу дал познать восторг хмельной,
И, воспарив, оно влетело в мир иной!
Я видел ангела. Он говорил усопшим:

«Входи: ты с истиной. Уйди: ты с клеветой».

Пер. И. Голубева

О том, какие методы изменения сознания применял Хайям, можно лишь строить предположения; духовный опыт вообще трудно вербализиро-

* Ман — 0.5 кг.

«Трижды отрекается» Хайям для надежности: по мусульманским законам разведенному можно дважды вновь жениться на бывшей жене, а после третьего развода это запрещено: «Развод — двукратен: после него — либо удержать, согласно обычаю, либо отпустить с благодеянием.... Если же он дал развод ей (в третий раз), то не разрешается она ему после...» (Коран, Сура 2.229–230, пер. И. Крачковского)

вать*, а тут в нашем распоряжении лишь отрывочные и к тому же зашифрованные сведения. Для раскодирования символов Омара Хайяма далее будут использованы термины йоги (в конце-концов, на обложке этой книги стоит имя индийского гуру).

Под круговертью звезд известны, милый друг,
 Два способа прожить без страхов и без мук:
 До тонкости познать добра и зла секреты
 Иль намертво забыть про все дела вокруг.

Пер. И. Голубева

Путь познания называют *джняна-маргой*. Не следует отождествлять этот вид йоги с теоретическим изучением философских концепций, которое является лишь введением в *джняна-йогу*. Логические попытки понять Бога заранее обречены на провал.

Чтоб людям не скучать, Создатель сотворил
 Контрдовод на любой логический посыл...

Пер. И. Голубева

Например, представления о трансцендентном Божестве невозможно логически совместить с идеей о Его сопричастности жизни каждого человека:

Чтоб быть в НЕ-бытии, Ты стал НЕ-тленный, — «НЕ».
 Но не сгубило бы круги Вселенной «НЕ»!..
 О, НЕ-зависимый от мест, причин и следствий,
 Ты здесь — отсутствуешь? Иль есть — с отменой «НЕ»?

Пер. И. Голубева

В Упанишадах описание Брахмана составлено из нарочито противоречащих друг другу характеристик: «Одно неподвижное быстрее чем ум. Не постигают его боги. То Первейшее, Всезнающее, стоя, иных бегущих превосходит. Оно движется и Оно не движется. Оно далеко и Оно близко. Оно внутри всего этого и также Оно вне всего этого» (Иша Упанишада 4-5). В результате интенсивного продумывания подобных высказываний развивается сверхрациональная интуиция и на личном опыте постигается единство души и Бога.

* Говорит мне душа — влюблена в Его лик,
 Звук речей Его в самое сердце проник.
 Перлы тайн наполняют мне душу и сердце,
 Но сказать не могу — пригвожден мой язык!

Пер. Н. Тенигиной

В «Дао дэ цзин» (81) сказано: «Говорящие не знают, знающие не говорят»:

Кому судьба дает вино познания пить,
 Тот, кроме Истины, обязан все забыть;
 Кому дает язык, тех обделяет зреньем,
 Кто получил глаза, немим придется быть.

Пер. И. Голубева

Пройди своим путем, как свыше суждено,
 В обличье нищего иль шаха, все равно.
 Все — сам ты: море — сам, нырятьщик — сам, и жемчуг...
 Нырни-как в эту мысль! Давай, нащупай дно! Пер. И. Голубева

К познанию Божества прямым путем идущий
 Чуждается себя и в Боге весь живет.
 Себя не признавай! Верь: Бог един есть сущий!
 «Божествен только Бог»* к тому же нас зовет. Пер. Ф. Корша

Второй способ «прожить без страхов и без мук» — «намертво забыть про все дела вокруг» (йог назвал бы такое состояние «глубоким *самадхи*»). Многоветвистый ум постоянно занят воспоминаниями о прошлых делах или построением планов на будущее. Хотя прошлого уже нет, а будущего еще нет, из-за иллюзорного «вчера» и «завтра» человек упускает единственную реальность — «сегодня».

Мы обитатели сегодняшнего дня.
 Печаль о завтрашнем — загадка для меня.
 К чему безумствовать! Живи, свое Сегодня
 Как величайшее сокровище храня. Пер. И. Голубева

Время и пространство — просто способ, которым мы привыкли воспринимать мир. Освободившись от иллюзии времени, можно погрузиться в вечность настоящего. Не мечтать о мгновении, настолько прекрасном, чтобы захотелось сказать ему «остановись», а остановить время — и этот миг будет бесконечно прекрасен.

Коль день прошел, о нем не вспомяни,
 Пред днем грядущим в страхе не стони.
 О прошлом и грядущем не печалься,
 На миг один в блаженстве утони!** Пер. Ц. Бану

А вот и психотехника Хайяма:

Живи, где хмель царит: «престол Махмуда» — он,
 Пируй, где чанг поет: «напев Дауда» — он.
 Не омрачай свой день ни будущим, ни прошлым:
 Чудеснее, чудак, любого «чуда» — он! Пер. И. Голубева

Как прекрасны и как неизменно новы
 И румянец любимой, и зелень травы!

* Эта формула Корана по-арабски звучит *ла аллах илля аллах!*

** Дословно: Невзгод скоротечных не бойся,
 Всего того, что непостоянно, не бойся.
Наполни радостью данный миг, —
 Не думай о пришедшем, грядущего не бойся.

Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

Пер. Г. Плисецкого

Лепешка из пшеничного зерна,
Нога баранья да кувшин вина,
Подруга, словно ранняя весна, —
Отрада, что султану не дана!

Пер. Ц. Бану

Здесь трудно не упомянуть тантризм с его «пятью средствами освобождения» (*паньчамакара*): *мадья* (алкоголь), *мамса* (мясо), *матсья* (рыба), *мудра* (жареные зерна, афродизиак), *майтхуна* (ритуальное совокупление). Однако развивать эту тему не хочется — не только из-за того, что в Индии тантризм деградировал и приобрел весьма дурную репутацию (а на Западе под ярлыком тантры кроме разврата, похоже, вообще ничего не было), но и потому, что Хайям не так уж прост:

Будь с виду бестолков. И вольный хмель веков
Хоть пригоршнями пей, мороча простаков.
Поймет и бестолочь, тут без толку соваться.
«Что толку толковать тому, кто бестолков!»

Пер. И. Голубева

Себя и своих последователей Хайям называет «винопоклонниками»:

Винопоклонникам известен мир иной.
Мы будем за вино платить любой ценой.
Я во хмельном пылу непостижим? Не диво.
Хмельной понятен тем, кто знает пыл хмельной.

Пер. И. Голубева

Вспомнив символическое значение* терминов «вино», «пир», «Друг (подруга)» и пр., мы сможем в какой-то степени понять религию Хайяма:

Есть много вер и все несхожи...
Что значит — ересь, грех, ислам?
Любовь к Тебе я выбрал, Боже,
Все прочее — ничтожный хлам.

Пер. А. Грузинского

Путь всепоглощающей любви к Богу на санскрите** называется *бхакти-йогой*. Его уникальность в том, что здесь метод (любовное служение Богу) достижения конечной цели тождественен ей, ибо душа изначально связана со Всевышним узами любви:

* В тантризме также существует традиция символического толкования компонентов *паньчамакары*; например, *мудра* понимается как определенное положение пальцев руки, имеющее магический смысл.

** Нем царь Давид! Стих жалобный псалом.
А соловей санскритским языком
Кричит: «Вина, вина! — над желтой розой, —
Пей! Алой стань, и вспыхни торжеством».

Пер. И. Тхоржевского

В день создания небес и небесных основ,
С прочной точкой опоры среди Близнецов,
Как огонь со свечой, неразлучно спаяли
Нас с любовью к Тебе сотней крепких оков.

Пер. Н. Тенигиной

Духовная практика (*садхана*) бхактов включает в себя несколько процессов, из которых у Хайяма мы встречаем следующие:

(1) Молитва (*вандана*). Часто утверждают, что Хайям отрицал молитву, или, по крайней мере, был в ней нерадив:

На Твое лишь милосердие уповаем мы, Аллах,
Нерадивые в молитвах, неповинные в грехах.
Твоя воля беспредельна, потому смогли возникнуть:
В сердце грешника — надежда, а в душе святоши — страх.

Пер. Я. Козловского

На самом деле Омар Хайям молился: это известно из его жизнеописаний, а нижеследующее четверостишие является чудесным образцом молитвы, в которой нет просьб о материальном, а лишь — «Да будет воля Твоя»:

Так часто мне, слепцу, добром казалось зло!
Так много зла добро на свет произвело!
И растерялся я: просить о чем, Всевышний?
Уж Ты придумай сам, что мне бы впрок пошло.

Пер. И. Голубева

Очень большое внимание Хайям уделяет рассветной (и вечерней) (2) медитации (*дхьяне*). Считается, что на стыке дня и ночи (в *сандхи*) медитация особенно эффективна, так как в это время психоэмоциональное восприятие человека обостряется:

Где музыка — воспеть рассветное питье?
Восторгом, сердце, встретить рассветное питье.
Три счастья на земле: Любовь, нетрезвый разум,
Но главное, заметь, рассветное питье.

Пер. И. Голубева

«Нетрезвый разум» — сверхрациональная интуиция, выход за пределы ограничений логики. Совершить этот прорыв помогают (3) *киртаны* и *бхаджаны* — исполнение религиозных песнопений и *мантр* (мистических словесных формул):

В бокалы влей вина и песню затяни нам,
Свой голос примешав к стенаньям соловьиным!
Без песни пить нельзя, — ведь иначе вино
Нам разливалось бы без бульканья кувшином.

Пер. О. Румера

(4) *Натья* (ритуальный танец):

Как славно припустить над винным кубком в пляс —
И прочь из памяти ушедшее от нас!
Мы с душ своих — рабынь, вернее, арестанток —
Оковы разума снимаем хоть на час.

Пер. И. Голубева

Сняв с души оковы разума, прекратив непрерывный внутренний диалог, человек выходит в сверхсознание, осознает величие Бога, а затем — свою единосущность Ему:

Поглядите: валяется пьяный старик.
Он лишился рассудка — и Бога постиг,
Он в дорожную пыль головою поник,
Бормоча: «Милосерден Аллах и велик!»

Пер. Г. Плисецкого

И днем и ночью ты взываешь к небесам,
К далекому Творцу, укrywшемуся там.
Примолкни хоть на миг, ответ Его услышишь:
«Я не вдали, Я здесь, Я — это ты же сам».

Пер. И. Голубева

Глубокое осознание этих истин приводит к (5) *атманиведане* — полному вверению своей души Богу:

Я душу в дар несу, я от восторга пьян!...
Но одарять Тебя — как «тмин везти в Керман».
И все-таки прими с такой же добротой,
Как взял у муравья подарок Сулейман.

Пер. И. Голубева

В этом четверостишии упоминается Сулейман — библейский мудрый царь Соломон, который, принимая подарки, почтил муравья, поднесшего ему ножку саранчи. В традиции бхакти подчеркивается, что хотя самодостаточному Богу ничего не нужно, Он поощряет поклонение Себе, позволяющее верующему обрести высшее блаженство (*ананду*):

Страдая, Кравчий, я не знал, что наслажденья есть такие!
Вино, я понял, превзошло все блага, радости другие!
Налей вина мне; хоть на миг оно мне утром жизнь дарует, —
О том, как сладок этот миг, узнать ты можешь у Мессии!

Пер. С. Липкина

* *Керман* — провинция, известная своими пряностями (в том числе и тмином). Индийской святой Тукарам выражал сходные эмоции по отношению к Вишну (Нараяне, Раме):

| | |
|--|--|
| <p>Как Тебе, Господи, служат, не знаю. В богослужении смысла не вижу; Даже вода — это Ты, Вездесущий, Кроме Тебя, мне пожертвовать нечем. В каждой цветке узнаю Тебя, Боже, И у меня опускаются руки. Рис нам даруешь, даруешь нам бетель, Не угощать же Тебя мне Тобою!</p> | <p>Всем драгоценностям Ты драгоценность, И не бывает богатства другого. Ты песнопенье, и слушатель Ты же. Негде плясать нам — Нараяна всюду. Тука вещает: «Я весь Твое имя, Рама, Нараяна, свет и светильник».</p> <p style="text-align: right;">Пер. С. Северцева</p> |
|--|--|

В Бхагавадгите (4:24) сказано, что ритуал поклонения Богу, также как участники и атрибуты этого ритуала, суть не что иное, как проявления Бога: «Брахман — ритуальная ложка, Брахман — топленое масло, влитое Брахманом в огонь Брахмана; достигает Брахмана тот, кто погружен в самадхи деятельности Брахмана».

Мессия (Иисус) говорил: «У Меня есть пища, которой вы не знаете.... Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4.32–34). Это в какой-то степени проливает свет на «хлеб», «баранью ногу» и другую «пищу» Хайяма:

С тоской никто из нас не дружен. Хорошо.
И пусть ни крошки нет на ужин — хорошо.
С незримой кухни тайн мы получаем пищу,
И чужакам наш хлеб — не нужен. Хорошо!

Пер. И. Голубева

Апокрифическая «История Иакова о рождении Марии» (VIII) повествует: «Находилась же Мария в храме Господнем как голубка и пищу принимала из руки ангела». Об этом же говорится и в Коране (Сура 3.32): «Захария, каждый раз, когда входил к ней в ее обитель, находил перед ней пищу. Он сказал: “Мария, откуда тебе это?” Она сказала: “Это от Бога; ибо Бог, кого хочешь, питает без счета”» (Пер. Г. Саблукова). И все-таки нам, пожалуй, надо подумать о хлебе насущном — если не на ужин (который, как известно, лучше отдать врагу), то на завтрак. Хайям трезво смотрит на реалии жизни и признает необходимость минимального удовлетворения потребностей тела (но не более того):

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

Пер. Г. Плисецкого

Человеку, чьи базовые потребности не удовлетворены, трудно сосредоточиться на духовном — он чувствует себя жертвой в джунглях мира:

Скажи, за что меня преследуешь, о небо?
Будь камни у тебя, ты все их слало мне бы.
Чтоб воду получить, я должен спину гнуть,
Бродяжить должен я из-за краюхи хлеба.

Пер. О. Румера

Хайям предписывает уделять земным заботам лишь каплю той энергии, которую следует ежедневно направлять на духовную жизнь:

Хмельная чаша нам хотя запрещена,
Не обходись и дня без песни и вина;
На землю выливай из полной чаши каплю,
А после этого всю осушай до дна.

Пер. О. Румера

За грош дадут лепешек на два дня,
Кувшин водой наполнится, звеня, —
И надо ли, чтоб меньший звал владыкой
Иль равный чтоб слугою звал меня!

Пер. Ц. Бану и К. Арсеновой

«Йога-сутры» древнеиндийского мудреца Патанджали начинаются классическим определением: «Йога — это успокоение вихрей ума». Как для

здоровья тела необходима пища и кров, так и для спокойствия ума нужно свести к минимуму зависимость от социума:

Если есть у тебя для жилья закуток —
В наше подлое время — и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастлив ты и воистину духом высок. Пер. Г. Плисецкого

К Нему идти ты хочешь? Оставь жену, детей,
И все, что мило сердцу, и близких и друзей,
Все устрани, что может связать тебя в пути:
Чтоб двигаться свободно, все пути рви скорей. Пер. Л. Некоры

На Востоке издревле считают, что идеально способствует духовному развитию образ жизни монаха — *санньясина* (санскр.), *дервиша* (перс.):

Освободись, о сердце, от плена чувств земных,
От радостей любовных, от горестей пустых.
Иди к дервишам, сердце, присядь на их порог...
И ты, быть может, станешь святым среди святых. Пер. Л. Некоры

Материальная бедность нищего монаха оборачивается духовным богатством.

Из медресе разврат сочится без конца,
Подачки делят там, грызня чернит сердца.
Сбеги в развалины! Живи как этот нищий:
Ей-богу, вот кто — шах на троне средь дворца!* Пер. И. Голубева

Посвященные в тайны небес хоть скромны,
Но в могуществе духа царям лишь равны.
Пусть в глазах христиан, мусульман, иудеев
Их заблудшими чтут, но пути их верны. Пер. Н. Тенигиной

Сильного духом человека, в высшей степени отмеченного небесной благодатью, в Индии называют *парамахамсой* — «духовным лебедем». Согласно поверью, лебедь способен выпить из смеси молока с водой только молоко, оставив воду; так и *парамахамса*, живя на земле, принимает только милость Бога и не пятнается материальной скверной:

* Свами Криянанда (ученик Парамахамсы Йогананды) в тридцать шестой главе своей книги «Путь» пишет: «Даже для мирских людей простая жизнь является важным ключом к счастью. Через дорогу от места уединения Мастера в Твенти-Найн-Палмс в одиночестве жил человек, обитавший в маленькой однокомнатной хижине. У него не было сада, в доме почти не было современных удобств, однако он весь светился счастьем. Он не был обременен долгами, не занимался бесполезными домашними делами, чтобы транжирить бесценные часы свободы. Вновь и вновь проигрывал он пластинку с популярной песней, выражавшей его полнейшую удовлетворенность жизнью: “У меня есть домик в Твенти-Найн-Палмс”. Мастер, глядя однажды на жилище этого человека, заметил: “Он словно король в своем дворце! Такова радость простой жизни!”»

Скакуна твоего, небом избранный шах,
 Подковал золотыми гвоздями Аллах.
 Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
 Чтоб копыта его не ступали во прах*.

Пер. Г. Плисецкого

Хайям призывает нас «перейти в его веру» и тоже стать *парамахамсами*, пьющими духовную радость, оставляя нетронутой горькую воду мирской жизни:

Если хочешь покоиться в неге блаженной
 И у ног своих мир этот видеть надменный,
 Перейди в мою веру. Учись у меня, —
 Пей вино, но не пей эту горечь Вселенной!

Пер. В. Державина

За чашею ловлю веселья миг,
 Ни правоверный я, ни еретик.
 «Невеста-жизнь, какой угоден выкуп?» —
 «Из сердца бьющий радости родник».

Пер. Ц. Бану

Тем не менее, нужно давать себе отчет в том, что для обретения вечной жизни и безграничной духовной радости не достаточно записаться на разрекламированные «десятидневные курсы интенсивного просветления»:

Про вещей хакикат** не выпросишь за час.
 Раздай имущество, как и любой из нас,
 Невзгодами свой дух воспитывай полвека,
 Тогда и сам поймешь, «как приходить в экстаз».

Пер. И. Голубева

Независимо от того, готовы ли мы заплатить такую цену, надеюсь, что теперь пред вами более рельефно предстанет очищенный от шелухи плоских штампов образ Омара Хайяма, который говорил о себе:

Пусть адрес мой — «кабак», пусть «Винный Омут» — я,
 Пусть «Виноворец» я, по мненью дурачья,
 Но я — *вселенский дух в зороастрийском храме...**** Пер. И. Голубева

* Исследователи обычно воспринимают это четверостишие как несвойственный Хайяму панегирик и даже приписывают его азербайджанской поэтессе Мехсети Гянджеви (XII в.), ссылаясь на легенду: «Однажды Мехсети, согласно занимаемому ею положению, присутствовала как равная с поэтами и литераторами на собрании султана Санджара. Для выполнения какого-то дела она вышла из помещения и увидела, что выпало много снега и он покрыл всю землю. Когда она вернулась в помещение, султан осведомился у нее о состоянии погоды. Мехсети тут же экспромтом сочинила это четверостишие и произнесла его в ответ на вопрос шаха».

** В суфизме *хакикат* («истина») — название высшей ступени богопознания, которой предшествуют *шариат* (исполнение законов ислама), *тарикат* (послушничество в роли *мюрюда*) и *марифат* (познание мира как эманации Бога).

*** Персы хотя и мусульмане, но арийского происхождения; их древняя религия — зороастризм, священная книга которого (Авеста) близка индийским Ведам.